

С. С. ХОДЯЧИХ

“*ANGLI*” vs. “*NORMANNI*”: ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ АНГЛО-НОРМАНДСКОГО ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются «парадоксы» англо-нормандского взаимовосприятия и их воздействие на некоторые аспекты этнической и социальной самоидентификации нормандской аристократии в Англии после Нормандского завоевания 1066 г.

Ключевые слова: Нормандское завоевание, англосаксы, норманцы, этническая самоидентификация, социальная самоидентификация.

Проблемы этнического и социального взаимовосприятия различных групп составляют более широкий круг вопросов, связанных с изучением образа Другого. Категория *Другого* заняла прочные позиции в исторической науке¹. По мнению М. Ю. Парамоновой, «в том или ином обличье она неоднократно вставала на страницах исторических и культурологических изданий, хотя в собственно исторической науке, в том числе и отечественной, она почти не рассматривалась, или же под этим флагом изучались совсем иные проблемы – культурное взаимодействие, культурные или политические контакты, международные отношения и прочее». Причины заключались в «недостаточной теоретической разработанности самой темы, непродуманности методики ее изучения, круга относящихся к ней вопросов и приемов анализа источников»².

Весомый вклад в исследование этой проблематики вносят медиевисты. В условиях, когда процессы были менее «глобальными» и на формирование представлений о противоположном этносе в каждом отдельном случае влияло меньше факторов, воздействие каждого (а многие из них сохраняют свое значение и сегодня) может быть прослежено более четко. Такая постановка вопроса предполагает изучение Другого в контексте социокультурных трансформаций средневекового общества.

В последнее время наблюдается процесс «размывания» структуры этнической идентичности путем противопоставления «мы» – этнического «мы» – внеэтническому, из содержания понятия «нация» («национальность») исключается «этническое ядро» (это чревато потерей этническими элитами этнической идентичности), а также происходит сближение «между двумя ключевыми видами идентичности – этнической и гражданской – путем их синонимизации» и поглощения последней первой³.

¹ См.: Нойманн. 2004; Лучицкая. 2001; Шатинская. 2009; Schneeberger. 2009.

² Парамонова. 2003. С. 168.

³ Губогло. С. 196-198.

По мнению ряда отечественных медиевистов, как в англосаксонском, так и в нормандском (а позднее – в английском) обществах носителями этнического самосознания были представители элит⁴. После Нормандского завоевания 1066 г. англосаксонская знать «перестала существовать и была полностью замещена нормандской аристократией с вкраплением бретонских и фламандских элементов»⁵, однако некоторые аристократические роды поднимали восстания и мятежи против нормандцев. Важно учитывать тот факт, что взаимодействие победителей (нормандцев) с побежденными (англосаксами) происходило двояким образом: на уровне элит – это было этническое взаимовлияние, на уровне простых людей, крестьянства и т.д. – социальное.

Л. П. Репина высказала мысль о том, что в результате Завоевания произошло размывание граней между этническим и социальным компонентами в сторону укрепления последнего (т.е. социального «водораздела в обществе»). Во взаимоотношениях нормандской знати с английскими крестьянами этнический компонент был сведен к минимуму, поскольку «там, где не было особого произвола, а местный лорд обеспечивал своих людей надежной защитой»⁶, им было неважно какая национальность у нового господина. Другое дело – представители элиты: осознание этнического превосходства со стороны завоевателей тесно переплеталось с социальными катаклизмами: изъятием земель, лишением собственности и т.д. Вывод, к которому приходит Л. П. Репина, состоит в том, что со второй половины XII в. уместно говорить не об этносоциальном противостоянии, а о социально-политическом⁷.

Основы англо-нормандского взаимовосприятия следует искать в сфере социокультурного противостояния англосаксов и нормандцев, которое нарративно представлено этнонимическими концептами “*Angli*” и “*Normanni*” (“*Franci*”). Непосредственное (и наиболее ранее по времени создания источника) отношение англосаксов к нормандцам отражено в погодной статье 1066 г. рукописи D Англосаксонской хроники. Авторы Хроники, объясняя причины Завоевания исключительно своими грехами и божественным провидением («Французы завладели местом резни, так как Господь даровал им из-за грехов народа»⁸), имплицитно выстраива-

⁴ Л. П. Репина называет их «феодальными элитами», а М. М. Горелов считает, что «носителем идеалов восставших была знать». Репина. 2007; Горелов. 2007. С. 148.

⁵ Репина. 2007. С. 237.

⁶ Репина. 2007. С. 239.

⁷ Репина. 2007. С. 243.

⁸ The Anglo-Saxon Chronicle. 1861. P. 199. См. также: Англосаксонская хроника (далее – АСХ). С. 132.

ют этническую дихотомию «свой – чужой» через употребление латентной конструкции «добрые» («лучшие») люди – «злые» люди. Прямого противопоставления «мы – они» на страницах Хроники мы не найдем, однако, косвенные свидетельства и ее подробный анализ позволят получить представление о восприятии нормандцев англосаксами. «Добрый» король Гарольд со своим войском пал смертью храбрых на поле Гастингса («Там король Гарольд был убит, и Леофвин, его брат, и эрл Гюрт, его брат, и много добрых людей»⁹), а «злой» герцог Вильгельм на правах *победителя* «разорил все земли по пути» и «подчинил» «всех лучших (курсив мой. – С. Х.) жителей Лондона», «когда очень много зла уже совершилось»¹⁰. Хронист сетует на волю Господа, который «ничего исправить не пожелал из-за наших грехов», в результате – Вильгельм продолжил «разорять все земли по пути», а когда на следующий год решил отправиться в Нормандию, то «он [Вильгельм] <...> взял с собой многих других *добрых* (курсив мой. – С. Х.) людей из английской земли, а епископ Одо и эрл Вильгельм остались здесь, строили повсюду замки, притесняя несчастных людей, так что с тех пор становилось только хуже и хуже»¹¹. Тем более парадоксальным на общем фоне пессимизма и уныния звучит обнадеживающее восклицание в конце статьи за 1066 г.: «Когда Господь пожелает, тогда и будет (хороший) конец»¹².

Осмысление собственного поражения наложило значительный отпечаток на ментальность англосаксов и явилось завершением процесса осознания потери собственной идентичности: произошел мировоззренческий кризис. По мнению Н. Уэббера, «битва при Гастингсе и ее последствия стали поворотным пунктом для английской идентичности и незамедлительно существенным образом изменили отношение англичан к нормандцам – этнический конфликт вызвал переопределение английской идентичности»¹³. Х. Томас, детально изучив английскую идентичность до Нормандского завоевания, пришел к выводу, что «она в действительности была очень мощной», «*gens Anglorum* никогда не отделяли себя от своего отечества, в то время как *gens Normannorum* делали это часто», сначала отправившись в Англию и на юг Италии, затем путем «отрыва» Нормандии от Англии в период правления Вильгельма II Ры-

⁹ ASC, 1066 (D). P. 167; ACX. C. 132.

¹⁰ Ibid. P. 168-169; Там же. C. 133.

¹¹ Ibid. P. 170-171; Там же.

¹² Ibid. P. 171; Там же. В тексте рукописи над словом «ende» – «конец» вписано слово «god» – «хороший», но до сих пор неясно, сделана вставка тем же почерком или более поздним. См.: The Anglo-Saxon Chronicle. Manuscript D.

¹³ Webber. 2005. P. 121-122.

жего и Генриха I. Кроме того, английская идентичность по сравнению с нормандской имела более глубокие традиции, она «прошла» более длительный путь становления¹⁴. Возникает вопрос: почему более «мощная», имеющая традиции, английская идентичность «проиграла» более слабой, возникшей практически накануне Завоевания, нормандской идентичности? Очевидно, на него еще только предстоит дать ответ. Утрата англосаксами собственного «Я» наряду с восприятием нормандцев как победителей оказала существенное влияние и на самоидентификацию нормандской аристократии в новой для них, *иноэтнической* среде.

Возвращаясь к анализу восприятия англосаксами нормандцев, зафиксированному в Англосаксонской хронике, отметим, что рукопись D значительно отличается от рукописи E: в последней нормандцы и их действия в Англии репрезентируются не столь разрушительными и угрожающими. Так, под 1091 г. (E) встречаем запись: «Когда Вильгельма не было в Англии, король Шотландии Малькольм пришел сюда, в Англию, и опустошил большую ее часть, до тех пор пока *лучшие люди* (курсив мой. – С. X.), которые несли ответственность за эту землю, не выслали навстречу ему [Малькольму] войско и отправили его назад»¹⁵. Неясно, кого именно хронист называет *лучшими людьми*, но именно эти *лучшие люди* проинформировали Вильгельма Рыжего о случившемся нападении, и король тут же вернулся из Нормандии в Англию. Степень доверия, оказанная королем, а также критерий, который лежал в основе его социальной политики (назначение на высшие политические и церковные должности нормандцев по происхождению – традиция, заложенная еще Вильгельмом Завоевателем), позволяют сделать вывод о том, что *лучшие люди* все же были нормандцами.

Однако рукопись E содержит гораздо больше описаний деструктивных действий нормандцев. Так, в 1068 г. в ответ на подход к Йорку Эдгара Этелинга с огромным числом нортумбрийцев, «король Вильгельм пришел с юга со всем своим войском, и разрушил город, и убил многие сотни людей»¹⁶. Хронист отмечает, что в 1069 г. в ответ на угрозу нападения датчан «король Вильгельм вторгся в графство и разрушил его полностью»¹⁷. Самые серьезные обвинения и неодобрительные реплики в адрес нормандцев встречаются в погодной записи 1083 г. и касаются событий, произошедших в Гластонбери: «Французы ворвались в хор и с силой бросились к алтарю, где находились монахи, некоторые

¹⁴ Thomas. 2003. P. 24.

¹⁵ ASC, 1091 (D). P. 195.

¹⁶ ASC, 1068 (E). P. 173.

¹⁷ ASC, 1069 (E). P. 174.

молодые французы поднялись на верхний этаж и начали выпускать стрелы в святую святых таким образом, что многие стрелы остались в кресте, что стоял над алтарем. Несчастные монахи лежали вокруг алтаря, некоторые ползали под ним и настоятельно молились Господу, умоляя его о милосердии, понимая, что они могут не получить какой-либо милости от этих людей. Что мы можем сказать, кроме того, как они стреляли неистово, другие разломали двери и вошли внутрь, и лишили некоторых монахов жизни, а также ранили многих из них так, что кровь стекала с алтаря по ступеням, а со ступеней на пол. Трое были убиты, а восемнадцать ранены¹⁸. По мнению Н. Уэббера, описанные шокирующие деяния не должны ассоциироваться непосредственно с королем: в контексте рукописи E эти события являются скорее исключением, тогда как в рукописи D «подобные факты будут вполне ожидаемыми»¹⁹.

Наконец, не самую лицеприятную характеристику автор Англосаксонской хроники дает Вильгельму Рыжему: «Он был крайне жесток и безжалостен по отношению к своим подданным, своим землям, и всем его соседям, также он был очень жуток, но *злые люди* (курсив мой. – С. Х.) всегда были признательны ему, несмотря на его алчность. Он был вечно раздражен этим народом, вместе со своей армией и несправедливыми поборами <...>. Он угнетал церкви, а все епархии и аббатства, чьи настоятели погибли в его времена, он либо продавал за деньги, либо оставлял в личное пользование или отдавал в аренду <...>. Он был ненавистен абсолютно всем его подданным, презираем Господом, а его кончина стала празднеством <...>. Он покинул этот мир без покаяния и какого-либо искупления»²⁰. Вильгельм Завоеватель, напротив, на удивление благопристойно представлен в рукописи E: «Король Вильгельм, о котором мы говорим, был очень мудрым человеком, и чрезвычайно могущественным, более величественный и непоколебимый, чем кто бы то ни было из его предшественников. Он был благосклонен к тем, кто любил Господа, но в то же время был в меру жесток по отношению к тем, кто возражал его воле»²¹. Хронист справедлив: он славословит Вильгельма за обеспечение порядка и безопасности в стране, а также введение суровых наказаний за воровство и изнасилование; за проведение земельной переписи; за завоевание Уэльса, Шотландии и Ирландии. Но, с другой стороны, обвиняет его в жадности и издании сурового законодательства об охране зверей и птиц, а также так называемых «лесных»

¹⁸ ASC, 1083 (E). P. 185.

¹⁹ Webber. 2005. P. 120.

²⁰ ASC, 1100 (E). P. 203-204.

²¹ ASC, 1087 (E). P. 188.

законов. Несмотря на это, из текста Хроники следует, что автор описывает Вильгельма как правителя *своей* нации, а не как завоевателя. Это весьма существенное допущение, поскольку мы видим, как происходит процесс «размывания» структуры этнической идентичности путем нивелирования противопоставления «мы» – «они» и имплицитного сближения английской и нормандской идентичностей.

К середине XI в. нормандцы были народностью, сравнительно недавно появившейся на территории Франции (после битвы при Шартре в 911 г.²² потомки норманнов стали *нормандцами*, и основали герцогство *Нормандия* на северо-западе Франции). В глазах остальных *Franci* они перестали быть «некультурными варварами, какими их считали ранее», поскольку военные успехи наряду с благочестивыми намерениями и религиозностью со временем начали вызывать уважение у прочих этнических групп, населявших территорию Франции, которые также уже не видели угрозы со стороны своих северных соседей²³. Образ нормандца в пределах Франции перестал восприниматься как *образ Другого*.

Нормандское восприятие англосаксов наиболее ярко отражено в источнике лироэпического характера «Песни о битве при Гастингсе» – латинской поэме, написанной Ги Амьенским²⁴ в 1068 г.²⁵. «Песнь...» заложила основу пронормандской версии событий 1066 г.²⁶, а описанную в ней битву при Гастингсе следует рассматривать как своеобразное противостояние английской и нормандской идентичностей. В «Песне...» выстраивается гиперболизированный образ *храброго нормандца*

²² Эту битву норманны, по выражению Э. Альбу, под предводительством «лидера грабительской банды» Роллона, проиграли королю западных франков Роберту I (Роберту III) (866–923). Однако король Карл III Простоватый, не имея сил для борьбы с норманнами, заключил с их лидером договор, по которому последний получал в лен побережье в районе Сены с центром в Руане, а взамен признавал своим сеньором короля Франции и переходил в христианство. См.: *Albu*. 2001. P. 1.

²³ *Webber*. 2005. P. 116.

²⁴ Ги Амьенский приходился дядей Ги, графу Понтё (который фигурирует на гобелене из Байе в качестве вассала Вильгельма и, согласно нормандским источникам, в 1064 г. взял в плен будущего короля Гарольда). Ги Амьенский приехал в Англию вместе с супругой Вильгельма Завоевателя Матильдой спустя несколько лет после битвы при Гастингсе. См.: *Davis*. 1978. P. 252; *Bradbury*. 2000. P. 151.

²⁵ Проблема датировки «Песни...» по сей день вызывает дискуссии, но принято считать, что она создана не позднее 1075 г. (Ги занимал пост епископа Амьена с 1058 по 1075 гг.), поэтому мы не согласны с точкой зрения М.М. Горелова, согласно которой «Песнь...» была написана в 1090-е гг. *Горелов*. 2001. С. 31; 2003. С. 125.

²⁶ Тогда как «Деяния нормандских герцогов» Вильгельма Жюмьежского и «Деяния Вильгельма, герцога нормандцев и короля англичан» Вильгельма из Пуатье «фактически придали пронормандской версии ее классические формы», став основными текстами нормандской исторической традиции. См.: *Якуб*. 2008. С. 222.

(«французы, сведущие в военной хитрости, опытные в военном искусстве»²⁷ и т.д.). Во время битвы (кульминации противостояния), как и на протяжении всей поэмы, Гарольд и Вильгельм предстают антиподами. Вильгельм, исходя из контекста произведения, проявляет в бою героизм и мужество, подавая пример простым воинам. Все его действия и движения пронизаны пафосными восклицаниями и восхищениями автора поэмы: «Покорный и богобоязненный герцог организовал хорошо спланированное наступление и бесстрашно приближался к склонам холма»²⁸; «<...> битва проходила в угрожающем беспокойстве и ужасный бич смерти надвигался»²⁹. Герцог с нормандцами сражался в центре, что еще раз свидетельствует о его отваге и смелости. Противник бился храбро и самоотверженно, в поэме об этом прямо говорится: «Англичане стояли твердо на своей земле сомкнутым строем. Они метали снаряд за снарядом, нанося удар за ударом мечами, <...> и противнику не удалось бы проникнуть в густой лес к англичанам, если бы обман не укрепил их силу»³⁰. Именно благодаря военному мастерству Вильгельма и успешно сработанной хитрости нормандцы («сведущие в уловках, опытные в приемах ведения войны, притворились, что спасаются бегством, как будто их разбили»³¹) побеждают в тяжелой схватке.

Вильгельм проявил себя воистину как выдающийся воин: когда нормандцы начали беспорядочно бежать назад «он осудил их и свалил с ног своей рукой, и своим копьем он остановил и сгруппировал их»³², и «как настоящий лидер начал новую атаку»³³. В поэме встречаются такие

²⁷ *Atribus instructi, Franci, bellare periti* (The Carmen de Hastingae... P. 26).

²⁸ *Dux, humilis Dominumque timens, moderantius agmen Ducit, et audacter ardua montis adit.* (Ibid. P. 24).

²⁹ *Interea, dubio pendent dum prelia Marte, Eminent et telis mortis amara lues.* (Ibid. P. 26).

³⁰ *Anglorum stat fixa solo densissima turba, Tela dat et telis et gladios gladiis. Spiritibus nequeunt frustrata cadauera sterni, Nec cedunt uiuis corpora militibus.*

Omne cadauer enim, uita licet euacuatum, Stat uelut illesum, possidet atque locum. Nec penetrare ualent spissum necum Angligenarum, Ni tribuat uires uiribus ingenium. (Ibid.).

³¹ *Atribus instructi, Franci, bellare periti, Ac si deuicti fraude fugam simulant.* (Ibid. P. 26, 28).

³² *Dux, ubi perspexit quod gens sua uicta recedit, Occurrens illi signa ferendo, manu Increpat et cedit; retinet, constringit et hasta.* (Ibid. P. 28).

³³ *Dux, ut erat princeps, primus et ille ferit.* (Ibid. P. 30).

дескриптивные характеристики герцога как «рычащий лев», человек «с силой Геркулеса», «находчивый воин»³⁴. Гарольда и его войско автор «Песни...» называет «ордой»³⁵ и сравнивает с дрожащей толпой, беспорядочной массой обреченных людей, которые отступали, полностью обессилев. Гарольд – злой и кровожадный убийца, ведь своими действиями он загубил много невинных душ. «Англичане отвели войска назад с места битвы. Побежденные, они молили о милости»³⁶.

Автор «Песни...» включает этническую категорию *Normanni* в состав конструкта *Franci*, и зачастую не разделяет эти понятия (так, во время описания битвы фигурирует именно концепт *Franci*), но не открывает первым в наибольшем восхвалении («Нормандцы, готовые к несравненным достижениям»³⁷), хотя, как известно, в войско нормандского герцога входили и рыцари из других государств³⁸. По М. М. Горелову, «для нормандцев также было не чуждо самоназвание “*Franci*”, но этноним “нормандцы” отличал их от французов из других областей Франции»³⁹, тогда как факт того, что нормандцы называли себя «франками (*Franci*), или французами», Л. П. Репина объясняет «несовпадением этнического состава и этнического самосознания, фиксирующего принадлежность той или иной социальной группы к конкретному территориально-политическому объединению»⁴⁰. Р. Дэвис идет дальше, заявляя, что «до конца XI в. большинству нормандцев было безразлично называли ли они себя «нормандцы» или «французы», используя слова *Galli* или *Franci* как синонимы для *Normanni*»⁴¹. Наконец, Х. Томас считает, что традиция идентификации *Normanni* как французов *Franci* была впервые зафиксирована в английских грамотах, правовых актах, «Книге Страшного суда», а иногда и в нарративных источниках с целью «обозначить, выделить захватчиков». На это повлияла «разнородность захватчиков» и «английская практика словоупотребления», однако Х. Томас уверен, что нормандцы считали себя «особой», исключительной нацией⁴².

Этнонимическая дуальность в терминологии (*Normanni* и *Franci*) также свидетельствует об англо-нормандском взаимовосприятии. С точ-

³⁴ sequitur ueluti leo frendens; Obstat et oppositis uiribus Herculeis (Ibid.); memor ut miles (Ibid. P. 32).

³⁵ Anglica turba (Ibid.).

³⁶ Bella negant Angli. Veniam poscunt superati. (Ibid. P. 36).

³⁷ Normanni faciles actibus egregiis (Ibid. P. 18).

³⁸ Apulus et Calaber, Siculus, quibus iacula feruunt; Normanni <...> (Ibid.).

³⁹ Горелов. 2007. С. 145.

⁴⁰ Репина. 2007. С. 237.

⁴¹ Davis. 1976. P. 54.

⁴² Thomas. 2003. P. 32-33.

ки зрения англосаксов, концепт *Franci* больше наполнен социальным содержанием, чем этническим: для них *Franci* – победители в целом, люди, которые вторглись на их территорию и подчинили себе. Для нормандской исторической традиции характерно употребление этнонима *Normanni*, и даже если встречается понятие *Franci*, то под двумя терминами следует понимать одно и то же – нормандцев. С другой стороны, *Normanni* для англосаксов были не более чем завоевателями и зачастую они не разделяли *Normanni* и *Franci*. К примеру, под 1066 г. в Англосаксонской хронике (рукопись D) значатся две битвы – при Стэмфорд-Бридже и Гастингсе. В первом сражении английский король Гарольд разбил “*Normen*”⁴³, во втором он был разбит французами (*Frencyscan*)⁴⁴. В Хронике *нормандцы* неизменно фигурируют как *французы*: приближенные Эдуарда Исповедника, бароны и знать Вильгельма I и Вильгельма II были не нормандцами, но *французами*. В многочисленных грамотах нормандские короли, хотя и именовали себя «королем англичан и герцогом нормандцев», всегда обращались к своим подданным как к «французам и англичанам»⁴⁵. По мнению Р. Дэвиса, в сознании англосаксов и жителей северной Европы *Normanni* (или *Nordmanni*) ассоциировались и идентифицировались прежде всего со скандинавами (данами и норвежцами), тогда как жители Нормандии, пришедшие в Англию, стали для англосаксов *Franci*⁴⁶. Х. Томас объясняет подобную метаморфозу лингвистическим фактором: «“Norman” звучало слишком двусмысленно и запутанно в их [англосаксов] языке» и многих сбивало с толку⁴⁷. По всей вероятности, англосаксы просто не придавали большого значения тому, кем являлись их захватчики. К тому же, учитывая присутствие других народностей в войске Вильгельма Завоевателя, употребление концепта *Franci* кажется более чем уместным и оправданным.

⁴³ ASC, 1066 (D). Ða com Harold ure cyng on unwær on þa Normenn 7 hytte hi begeondan Eoforwic æt Steinfeld Brygge mid micclan here Englisces folces, 7 þær wearð on dæg swiðe stranglic gefeoht on ba halfe. Þar wearð ofslægen Harold Harfagera, 7 Tosti eorl, 7 þa Normen þe þær to lafe wæron wurdon on fleame, 7 þa Englisca hi hindan hetelice slogon. См.: The Anglo-Saxon Chronicle. Manuscript D.

⁴⁴ ASC, 1066 (D). Ðær wearð ofslægen Harold kyng, 7 Leofwine eorl his broðor, 7 Gyrð eorl his broðor, 7 fela godra manna, 7 þa Frencysca ahton wælstowe gewæald, eallswa heom God uðe for folces synnon. См.: The Anglo-Saxon Chronicle. Manuscript D.

⁴⁵ Willelmus Rex Anglorum <...> omnibus suis fidelibus Francis et Anglis <...> salutem. См. напр.: Confirmation by King William II of England, A.D. 1095-1100. P. 14; Willelmus rex Anglorum omnibus hominibus et legiis nostris tam Francis quam Anglis salutem. См.: Confirmation by William II to the hospital of St. Peter, York... P. 141.

⁴⁶ Davis. 1976. P. 12.

⁴⁷ Thomas. 2003. P. 33-34.

Довольно опосредованно этническая принадлежность нормандцев отражена и в источниках юридического характера. В *Institutio regis Willelmi*⁴⁸, изданном, вероятно, между 1067 и 1077 гг. и представляющем собой разбор возможных вариантов развития правовых отношений (поведения в суде, порядка подачи жалоб и т.д.) между англичанами и *французами*, для обозначения нормандцев в Англии используется термин *Francigena*, т.е. *француз*. В отдельных случаях *Francigena* имел возможность выступать в тяжбе «с помощью своих свидетелей по законам *Нормандии* (курсив мой. – С. X.)»⁴⁹, т.е. речь идет о некоем подобии судебного иммунитета у нормандцев в Англии в первые годы после завоевания. Семантический анализ *diplomata regia* также показывает, что на страницах грамот отчетливо проявляется этнонимическое «превосходство» нормандцев (французов) над англичанами. Практически во всех документальных и юридических источниках этнонимы *Francis*, *Francigenis* при перечислении в одном ряду других народностей (*Anglis*, *Scottis*) стоят перед ними, на первом месте⁵⁰. Такой порядок выстраивания этнонимов не случаен: он вполне осознанно и справедливо, с точки зрения нормандцев, фиксирует их законное право считаться хозяевами английской земли, быть первыми во всем, закрепляя это право в официальных документах. Подобные действия первых *нормандских* королей Англии имели конкретные цели: в памяти последующих поколений они должны были быть главными действующими лицами английской истории.

Определенные аспекты англо-нормандского взаимовосприятия прослеживаются и на лингвистическом уровне. После 1066 г. началась *бинарная* ассимиляция традиций. Примерно до конца XI в. она имела двусторонний характер. Континентальный *нормандский* (французский) компонент не поглотил бытовавший в Англии древнеанглийский язык. Нормандцы, как ни пытавшиеся изъять из употребления английский язык, сами начали его изучать, равно как и англосаксы, по словам Э. Чертона, «смешивать свой язык с нормандско-французскими словами»⁵¹. Завоеватели были слишком немногочисленны, чтобы навязать новой стране свой язык в неизменном виде: «сравнительно небольшая группа нормандцев и их союзников вступила в контакт с гораздо более

⁴⁸ Wilhelm I: Lad (Beweisrecht zw. Engländern u. Franzosen)... P. 483-484.

⁴⁹ <...> per testes sous secundum legem Normannie. (Wilhelm I: Lad. P. 483).

⁵⁰ Напр.: <...> et omnibus suis fidelibus Francis et Anglis et Scottis, salutem (Confirmation by King William II. of England... P. 14); <...> maxima multitudine Francorum et Anglorum (Charter by King Edgar to Durham... P. 13); <...> Willelmus <...> rex Anglorum comitibus uiccomitibus et omnibus Francigenis et Anglis, <...> salutem (Wilhelm I.: Episcopales Leges... P. 485).

⁵¹ Churton. 1842. P. 316; Knight. 2001. P. 149, 151.

древним королевством с его собственными традициями и институтами». Как «господствующее меньшинство нормандцы могли ассимилировать англичан и их культуру, лишь изменив свою собственную». Так, нарративно этнонимический разрыв идет еще глубже: нормандская историческая традиция наряду с современниками изучаемых событий не всегда имели в виду одно и то же, говоря о «нормандцах» и «нормандских людях». Подобным же образом семантика концепта «англичане» изменилась в их текстах в течение нескольких лет после 1066 г.⁵² Добавим, что в области государственного управления древнеанглийский язык сменила латынь, а сфера применения находящегося на этапе своего становления английского языка (смешанного англо-нормандского диалекта) была ограничена «устной речью низших классов»⁵³.

Проблема трансформации нормандского диалекта старофранцузского языка и его влияния на язык англосаксов намного глубже, чем может показать на первый взгляд. По справедливому замечанию М. Н. Губогло, человек, «попав в иноэтническую среду, мгновенно обнаруживает различия в языке в том случае, если он не владеет никаким другим языком, кроме языка своей национальности. Определенный дискомфорт и неловкость создают и менее значимые этнические определители, или маркеры, например одежда, пища, манеры общения»⁵⁴. Нормандская знать – как светская, так и церковная – владела, по меньшей мере, двумя языками: родным *нормандским* и латынью. Последняя нашла свое выражение в обширной нормандской документации. Англосаксонский язык оказался незнакомым для *novus Anglus*, что наложило существенный отпечаток и на этнолингвистическое противостояние “*Angli*” и “*Normanni*”.

Важную роль в «формировании» образа англосакса сыграла и нормандская церковная знать. Многие священнослужители, после 1066 отправившиеся в Англию, крайне негативно восприняли свои назначения (одним из главных факторов было изначальное неприятие и отрицательное отношение к местным англосаксонским святым и англосаксонской церкви в целом). Приведем наиболее яркий пример. В 1070 г. архиепископом Кентерберийским стал Ланфранк, прежний настоятель аббатства Бек и монастыря Сент-Этьен в Кане. Уже в одном из ранних писем Ланфранка папе Римскому видно его отношение к Англии и ее жителям: «В мое оправдание я не знал языка, и местные народы были варварскими <...> Словом, я согласился, я приехал, я вступил в должность. И сейчас я каждый день испытываю столько трудностей, притеснений и духовных

⁵² Chibnall. 2006. P. 109.

⁵³ Репина. 2007. С. 241.

⁵⁴ Губогло. 2003. С. 197.

страданий <...> Я постоянно слышу, вижу и чувствую беспокойство среди разных людей, несчастья и оскорбления, жестокость, скупость, лживость, падение Святой Церкви, что я утомился от моей подобной жизни и весьма глубоко опечален тем, что живу в такие времена». Недовольство и неудовлетворенность Ланфранка выражаются в просьбе к папе, близкой к мольбе, освободить его «от рабской зависимости, <...> сбросить оковы с этой обязанности и позволить <...> вернуться к монашеской жизни, которую я люблю более, чем что бы то ни было»⁵⁵. Очевидно, что у англосаксонских «варваров» было мало общего с нормандской элитой: их взаимоотношения, в лучшем случае, считает Х. Томас, «были по большей части деловыми, и часто очень напряженными»⁵⁶.

Таким образом, нормандцы, признавая свою исключительность, относились к англосаксам как к побежденному народу, врагу, в то время как жители Англии парадоксальным образом вверяют свою дальнейшую судьбу в руки Господа, пессимистически сетуя на зло чужих людей. Проблемы и «парадоксы» англо-нормандского взаимовосприятия имеют не социальную, а в первую очередь этническую окраску.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. Метлицкой З.Ю. СПб.: Евразия, 2010.
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007. С. 148.
- Горелов М.М. Датское и Нормандское завоевание Англии в восприятии средневековых авторов XI-XII веков // Диалог со временем. 2001. № 6.
- Горелов М.М. Этнополитическая идентичность и традиции историописания в Англии XI-XII вв. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 115-131.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 195-251.
- Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 350 с.
- Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Парамонова М. Ю. Рец. на кн.: Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001 // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 168-170.
- Репина Л.П. Феодалные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Социальная идентичность средневекового человека. М.: Наука, 2007. С. 234-243.
- Шатинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Обсерватория культуры. 2009. № 4. С. 38-45.

⁵⁵ The Letters of Lanfranc... P. 30-32.

⁵⁶ Thomas. 2003. P. 119.

- Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. 460 с.
- Albu E. The Normans in their Histoires: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge: The Boydell Press, 2001. 230 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle, according to the Several Original Authorities / Ed. with a transl. by B. Thorpe. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861.
- The Anglo-Saxon Chronicle. Manuscript D. URL: <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/asc/d.html> (время доступа 10.02.2011).
- Bradbury J. The Battle of Hastings. Sutton: Sutton Publ., 2000. 151 с.
- The Carmen de Hastangae Proelio of Guy Bishop of Amiens / Ed. by C. Morton and H. Muntz. Oxford: Oxford univ. press, 1972. P. 1-52.
- Charter by King Edgar to Durham A.D. 1095. // Early Scottish Charters prior to A.D. 1153 / Ed. by A.C. Lawrie. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1905.
- Chibnall M. The Normans. Oxford: Blackwell Publ., 2006. 109 p.
- Churton E. The Early English Church. N.-Y.: D. Appleton & Co., 1842. 316 p.
- Confirmation by King William II of England, A.D. 1095-1100 // Early Scottish Charters prior to A.D. 1153 / Ed. by A.C. Lawrie. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1905.
- Confirmation by William II to the hospital of St. Peter, York, of the ancient foundation of the hospital, namely one thrave of corn from each plough at work within the province of York. c. 1090-1098 // Early Yorkshire Charters / Ed. by W. Farrer. Edinburgh: Ballantyne, Hanson & Co., 1914.
- Davis R.H.C. The Carmen de Hastangae Proelio // English Historical Review. 1978. № 93.
- Davis R.H.C. The Normans and their Myth. London: Thames and Hudson, 1976.
- The Gesta Guillelmi of William of Poitiers / Ed. by R.H.C. Davis and M. Chibnall. Oxford: Oxford univ. press, 1998. 248 p.
- Knight J. Middle Ages: Primary Sources / Ed. by J. Galens. L.: The Gale Group, 2001.
- The Letters of Lanfranc Archbishop of Canterbury / Ed. by H. Clover and M. Gibson. Oxford: Oxford univ. press, 1979.
- Schneeberger A. I. Constructing European Identity Through Mediated Difference: A Content Analysis of Turkey's EU Accession Process in the British Press // PLATFORM: Journal of Media and Communication. July 2009. Vol. 1. P. 83-102.
- Thomas H. M. The English and the Normans: Ethnic Hostility, Assimilation and National Identity 1066–c.1220. Oxford: Oxford univ. press, 2003. 395 p.
- Webber N. The Evolution of Norman Identity, 911-1154. Woodbridge: The Boydell Press, 2005.
- Wilhelm I: Episcopales Leges (Geistliches Gericht) [1070-76(1072?)] // Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. by F. Liebermann. Halle a. S.: Max Niemeyer, 1903. Vol. I. P. 485.
- Wilhelm I: Lad (Beweisrecht zw. Engländern u. Franzosen) [1067-77] // Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. by F. Liebermann. Halle a. S.: Max Niemeyer, 1903. Vol. I. P. 483-484.
- William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni. Gesta Normannorum ducum / Ed. by E.M.C. van Houts. Oxford: Oxford univ. press, 1995. Vol. I: Introduction and Books I-IV.